

ЛУКРЕЦИЯ

Трагедия

Действующие лица I в II актов:

Лукреция.

Коллатин, супруг Лукреции.

Лукреций, отец Лукреции.

Секст, сын Тарквиния

Брут.

Паулина, наперсница Лукреции.

Сулпиций, наперсник Секста.

Раб.

АКТ I

СЦЕНА I

Лукреция, Паулина.

Лукреция. Уж близится рассвет. Ступайте, Паулина, нам приготовить полотно и пурпур, и мы возьмемся снова за работу.

Паулина. О госпожа, вы так измучены — вам нужен покой, а не работа; два дня я вижу вас в волнение необычайном — не знаю, что об этом и подумать.

Лукреция. Я вам признаюсь: меня терзает тайная тревога, причина коей не известна мне. Смутный трепет меня приводит в ужас, сон от меня бежит, но лишь глаза мои сомкнутся, как мучительные сновиденья меня вдруг пробуждают, вновь погрузив в отчаяние. Не понимаю, то ли здоровье мое слабеет, то ли предчувствия мне чем-то угрожают; не будучи ни в чем виновной, я уж готова была бы поверить, что это угрызенья совести, когда бы, заглянув в глубь сердца своего, не успокаивалась совершенно.

Паулина. Лукреция — и угрызенья совести! Если бы избыток самой суровой добродетели способен был их вызвать — они у вас, наверно, были бы.

Лукреция. Поверьте, Паулина, избыток невозможен в добродетелях, и того, кто обладал бы ими всеми, никто не упрекнет в излишестве.

Паулина. Как мне назвать ту удивительную замкнутость, эту суровость нрава, что в вашем доме заточила вас и, под предлогом отстранить опасные знакомства, лишает вас присут-

ствия порядочных людей, — словом, отнимает у римского народа примеры добродетелей, у вашего же обаянья — признание всех сердец?

Лукреция. Сладость мирной жизни в лоне семьи называете вы заточеньем? А я скажу — для счастья своего я никогда не пожелаю иного общества, а качествам моим иных похвал, чем общество и похвалы супруга, моего отца, моих детей.

Паулина. Однако, скрывая свои прелести и добродетели, вы потеряли возможность распространять влияние их и забываете при этом, что лишь изяществу присуще с успехом благонаравью поучать.

Лукреция. Если моя дружба вам дорога, оставьте этот тон — он вас лишит ее в конце концов. Сто раз я говорила вам: мой первый долг — долг относительно меня самой; единственный урок, который надлежит мне преподать другим, — это пример достойной жизни, и я всегда считала наиболее уважаемой ту женщину, о коей всего меньше говорят, — хотя бы даже с целью возвеличить. Да сохраняют вовеки боги мое имя от громкой славы! Этот зловещий блеск может быть куплен нашим полом лишь в ущерб счастью или невинности.

Паулина. Если мое усердие вам не понравилось, не осудите по крайней мере побуждений. Я так хотела бы, чтобы вы жили более открыто; хотела бы, посредством общества друзей, забав и развлечений, восстановить ваше здоровье, подверженное неожиданным припадкам меланхолии, и, сказать посмею, вашей славе это принесло бы только пользу.

Лукреция. Моей славе? Объяснитесь; не понимаю вас.

Паулина. Не гневайтесь на искренность мою. Рим с радостью приветствовал первоначально уготованный вам жребий. И пожелания народ и выбор Тарквиния соединяли вас с его преемником. Кто иной — все говорили — кроме наследника престола, достоин обладать Лукрецией? Пусть занимает она трон, который ей суждено прославить; пусть сделает счастливым Секста, дабы он научился у нее заботиться о счастье римлян. Но все переменялось — к великому отчаянию принца, против воли царя, народа, и — усомниться в том значило бы оскорбить рассудок — против вашей воли. Непреклонный Лукреций расторг союз, долженствовавший быть заветнейшим его желаньем. Римский гражданин достиг награды, о коей тот, кто мог владеть ею по праву, едва лишь смел мечтать. Оставляю в стороне сравненье, могущее обидеть вашу щепетильность, но невозможно, чтобы вы, хотя бы вопреки самой себе, не чувствовали, кто из них заслуживает больше вниманья вашего.

Лукреция. Не забывайте, что говорите с женою Коллатина, и раз он мой супруг, то, значит, он и есть достойнейший.

П а у л и н а. Мне должно думать так, как вы велите, но римляне, ревниво охраняющие единственно оставшуюся им свободу, чей суд страшит даже владык, не приняли решения Лукреция с таким же одобрением, как вы. Возможно ль не быть строгим к достоинствам того, кто дерзает искать руки Лукреции? Такую смелость в Коллатине, приняв в соображение всё, нашли гораздо менее прощительной, чем в Сексте, и народ себя считает слишком непогрешимым судьей подлинных достоинств, чтоб допустить, что вы придерживаетесь другого взгляда, нежели он сам.

Л у к р е ц и я. Народ, даря почтение одному, презрение другому, не понимает, в чем истинное благо для него! Римляне восхищены блестящими способностями Секста, которые в один прекрасный день им принесут несчастье, и презирают в Коллатине гуманность, мягкость и умеренность в страстях, кои простого царедворца, оказись он на месте сына Тарквиния, превратили бы в лучшего из принцев. Что ж до меня, то ясно: Коллатина постоянная и мирная любовь дарит мне счастье, тогда как бурные порывы Секста являются ручательством, что он наверняка был бы негодным мужем. Однако какая связь между всем этим спором и моей любовью к уединению?

П а у л и н а. Госпожа, коли хотите знать, закончу так: боюсь, чтоб ваше имя доброе не пострадало сильнее от чрезмерной сдержанности, нежели от крайности иной, и если вашего пристрастия к столь уединенной жизни не приписывают скорее сожаленью об утраченном супруге, чем любви к тому, которого приобрели, то, безусловно, на нее глядят, как на предосторожность, что оскорбляет ваше сердце, но вашей добродетели ненужна совсем.

Л у к р е ц и я. И вы находите, что если бы такие подозрения существовали, то разумная и осмотрительная женщина должна была бы сообразовывать свои поступки с праздною болтовней народа, и на столь шатком основанье... Я вижу здесь чужого. Боги! Кто это?

П а у л и н а. Это Сульпиций, вольноотпущенник принца.

Л у к р е ц и я. Секста? Зачем сюда явился этот человек?

С Ц Е Н А II

Лукреция, Паулина, Сульпиций.

С у л ь п и ц и й. Известить вас, госпожа, о прибытии скором принца и вашего супруга и вручить вам от него письмо.

Л у к р е ц и я. От кого?

С у л ь п и ц и й. От Коллатина.

Л у к р е ц и я. Скорей подайте. (*Прочитав, в сторону.*) Боги! (*Паулине.*) Прочтите.

П а у л и н а (*читает*). «Царь на сутки внезапно отбыл в путешествие и тем доставил мне возможность обнять вас. Нет надобности прибавлять, что ею я воспользуюсь, но зато есть надобность вас известить, что принц желанье изъявил меня сопровождать. Поэтому велите отвести ему подобающие покои и, принимая у себя наследника престола, не забывайте, что от него зависит судьба и благополучье вашего супруга».

Л у к р е ц и я (*Паулине*). Приготовьте все необходимое к приему принца. Скажите Коллатину, что, к сожаленью, я не могу успешнее способствовать его намереньям, и, сообщив ему об угнетенном состоянии, в каком вы видели меня два дня, добавьте, что расстроенное здоровье не позволяет мне ни выполнить самой его распоряженья, ни видеть никого, кроме него единственно.

С Ц Е Н А III

П а у л и н а, С у л ь п и ц и й.

С у л ь п и ц и й. Ну, Паулина, отчего, по-вашему, смутилась Лукреция, услышав о прибытии принца, и в чем, вы думаете, причина ее волнения, как не в ее собственном сердце?

П а у л и н а. Я очень опасаясь, что мы весьма поторопились осуждать Лукрецию. Ах, верьте мне, Сульпиций, это не та душа, которую позволено равнять с нашими. Вам известно, что, вступая в ее дом, я была того же мнения о ее тайных чувствах, как и вы; я тешила себя надеждой — в согласье, как мне казалось, с ее сердцем — беспрепятственно содействовать желаньям принца. Я совершенно изменила этот взгляд, чуть ближе присмотрелась к ней. И с той поры как научилась понимать этот характер — мягкий и чувствительный, но добродетельный и непоколебимый, — я убедилась, что Лукреция, в совершенстве владея своим сердцем и страстями, способна любить лишь долг и своего супруга.

С у л ь п и ц и й. Неужели вы по-прежнему прельщаетесь красивыми словами и не можете никак понять, что долг и добродетель — пустые звуки, которым никто не верит, но всякий хочет, чтоб им верили другие. Поймите: кем бы ни казалась Лукреция, она не может дорожить своим долгом больше, чем счастьем, и я жестоко ошибусь, коли сочту, что она сумеет найти его иначе, нежели составив счастье Секста.

Паулина. Мне кажется, я разбираюсь в чувствах, и вы-то лучше уж, чем кто-либо другой, должны бы отдавать мне в этом справедливость. Ее же чувства я выводывала со старанием, достойным интереса, какой питает к ним доверившийся нам принц, и со всей хитростью, необходимой для того, чтоб в ней не вызвать подозрений; я подвергала ее сердце всем наивернейшим испытаньям, против которых беззащитно самое глубокое притворство: то соболезновала ей в ее утрате, то восхваляла ее новый выбор, то льстила ее тщеславью, то, задевая самолюбие, пыталась возбудить попеременно ее ревность, или нежность, или по крайней мере любопытство; но всякий раз как заходила речь о Сексте, она была столь же спокойна, как и беседуя о чем-либо другом,— равно готова продолжать или бросить разговор и не выказывала ни радости, ни горя.

Сулпиций. Однако же выходит, что, несмотря на всю нежность чувств, коими вы меня удостоили, мое сердце лучше вашего знает толк в любви, ибо, наблюдая только что Лукрецию, я в минуту увидел больше, чем распознали вы, услуживая ей целых полгода; и трепет, в который ее повергло одно лишь имя Секста, позволяет мне судить о том, как трепетала некогда она в его присутствии.

Паулина. Последние два дня ее здоровье так изменилось, что жалко на нее смотреть, и лишь в недуге кроется причина действия, какое вы приписываете письму ее супруга. Правда, может быть, меня обманывает излишняя доверчивость, но так же не обманывает ли и вас чересчур большая проницательность?

Сулпиций. Во всяком случае, нам надобно желать, чтобы мои глаза были во много прозорливей ваших, и всячески поддерживать и разжигать любовь, в чьей власти счастье того, кто должен нас соединить. Вы знаете, что обещанья Секста будут исполнены только в награду за успех наших стараний. И вам известно также, что в нашем положении пороки господ нам служат ступенями, ведущими к удаче, и что, лишь потакая их страстям, мы можем достичь удовлетворения своих. Ведь мы погибли бы, когда бы наши господа были достаточно умны и умели обходиться без тайных одолжений, которыми мы их опутываем. Таким-то образом становишься незаменимым для того, от коего зависишь, и для тщеславного придворного нет большего несчастья, чем служить разумному и нравственному принцу, который, кроме долга, не любит ничего.

Паулина. Я с этим всем согласна, но из того, что заблуждения другого нам выгодны, отнюдь не следует обманываться нам самим, и польза, которую мы извлечем из ошибок Лукреции, еще не основание надеяться на то, чтобы она их совершала; к тому же я вам признаюсь: узнав поближе эту милую и добродетельную женщину, я вижу, что менее способна, чем

раньше думала, содействовать намерению принца. Я полагала, мне предстоит бороться лишь с угрюмой добродетелью, но кротость Лукреции так красноречиво молит пощадить ее благоразумие! Поддавшись очарованию ее натуры, забываешь очарованье ее внешности и невольно лишаешься охоты и решимости осквернять столь целомудренную душу.

Сульпиций. При отношениях, что между нами существуют, эта заученная роль со мною вовсе неуместна: наши интересы слишком тесно между собою связаны, чтоб нам была нужда хитрить друг с другом. Принц просит у вас тайного свиданья, и с ним подчас вы можете пускать в ход фокусы, какие, на ваш взгляд, заставят его особенно ценить ваши услуги. Но я, кто знает ваше сердце и вполне доволен, обладая им таким, какое оно есть, — я не могу одобрить, что в деле, решающем и вашу и мою судьбу, вы так некстати изображаете передо мной чувствительность в ущерб рассудку.

Паулина. Как несправедливы упреки ваши и как неверно вы поняли меня! Чем рука, которую вы мне предлагаете, дороже мне, тем меньше я хотела бы, чтоб честь владеть ею стоила мне чести быть ее достойной. Но знайте, я вовсе не стремлюсь преувеличивать свои достоинства, и если в чем пред вами я притворюсь, то уж конечно в щепетильности, а не в своих надеждах. Я буду служить Сексту по-прежнему, как вы того хотите, и не от меня зависит, окажется ли успешной моя служба. Но обещать вам более счастливый исход своих усилий, чем тот, какого жду от них сама, не значило ли бы вас вводить в обман? Прощайте; время истекает: пора идти исполнить только что мне отданное приказанье. Когда приедет принц, я постараюсь вас известить, лишь только получу возможность с ним тайно свидеться.

СЦЕНА IV

Сульпиций.

Сульпиций. Как мне противна эта нерешительность: подобные характеры не следуют рассудку и потому оказываются то хороши, то плохи только потому, что они слабы! Ее робкий ум настолько же далек от правил, ведущих к большим делам, насколько ее ранг и состоянье ниже моих чаяний и надежд. Но надобно ее манить воображаемым союзом до тех пор, пока с ее пособничеством и соблазненная Лукреция, и удовлетворенный Секст не оставят мне, так сказать, на благоусмотренье выбор награды для нее...

Я слышу конский топот... Ужели это принц?.. Боги! Что я вижу? Отец Лукреции и Брут! Скорее побегу навстречу господину моему и предупрежу его об этом неожиданном препятствии.

СЦЕНА V

Брут, Лукреций.

Брут. Знаете, кого сейчас мы встретили?

Лукреций. Его лицо знакомо мне.

Брут. Это вольноотпущенник Секста.

Лукреций. Зачем явился он в этот дворец?

Брут. Вам разве неизвестна давнишняя привязанность его сеньора к вашей дочери, а также дружба, которую последний ищет завязать с ее супругом; сверх того, вам ведомо, что он сын царя, — и вы не понимаете, чего он добивается?

Лукреций. Внести в мое семейство преступленья своего дома? Ах, Брут!..

Брут. Могу сказать вам больше, ибо настало время перестать от вас утаивать что-либо: Лукреция любит Секста.

Лукреций. Секста? Моя дочь? Что вы говорите, злополучный?

Брут. Смягчись, достойный и счастливейший отец, и оцени, какое сокровище даровал тебе боги. Да, сын Тарквиния обожаем твоей дочерью, но ты знаешь ли, что это чувство, в тайну которого проник лишь я один, известно столь же мало той, которая его питает, как и тирану, являющемуся его предметом? Ты знаешь ли, что разоблачение сей прискорбной тайны будет стоить жизни этой почтенной и непорочной женщине? Ты понимаешь ли, какое чудо добродетели и власти над собой эта невольная любовь, подавленная прежде, чем была осознана, способна совершить в ее возвышенной душе? Поверь! преодоленные порывы сильнее действуют на героические души, нежели холодные уроки мудрости, что, не встречая никаких препятствий, не приобретают силы, сообщаемой сопротивленьем; ты, чьей добродетели ничто и никогда не колебало, поверь: только из лопа сдержанных желаний рождается та гордость благородная, которая помогает нам с презреньем относиться к слабостям других, когда свои уже мы победили. И именно с той стороны, что так тебя тревожит, дочь твоя особенно достойна нашего доверья; решимся же открыть ей наши замыслы — и Тарквинии погибли потому, что Секст любим.

Лукреций. Брут, говори шепотом: не будем подвергать сей важной тайны риску быть услышанной нескромным ухом. Мы на досуге продолжим этот разговор. Я отправлюсь к дочери и расскажу ей все, что нужно. А вы спешите навстречу Коллатину и подготовьте его дух к тем грандиозным планам, которые мы сообщить ему должны.

СЦЕНА VI

Брут.

Брут. Боги, охраняющие Рим, час близится, и сбудутся все ваши предсказания. Немыслимо терпеть, чтобы тираны осмеливались присваивать себе ваши права и покрывать позором ваше лучшее творенье. Пора явить всем низшим племенам народ героев. Пора поведать миру, что в благородных душах любовь к свободе может совершить для процветанья добродетели.

Конец первого акта.

АКТ II

СЦЕНА I

Секст, Сульпиций

Сульпиций. Вот, господин, вход в помещение Лукреции; а эта дверь ведет к Паулине, и тут она должна уведомить меня, когда ей можно будет по секрету с вами переговорить.

Секст. Так, значит, здесь благословенное жилище всех прелестей и добродетелей, что заключают в себе Рим и мир. Сколь возрастает мое волнение, когда я подхожу к ее приюту! К обиталищу богов я приближался с большей смелостью, и, сопоставив свои восторги со страхом, что меня объял, я не могу понять, как может одно и то же сердце совмещать в себе неистовство страстей с подобной робостью.

Сульпиций. Объяснение не мудрено: единственной причиной ваших опасений является сомнение в успехе, и бояться

Лукреции вы скоро перестали бы, когда бы только захотели немного больше положиться на Сульпиция.

Секст. Друг, плохо ты читаешь в сердце, которое стремишься ободрить! Мне ли неизвестно твоё рвеніе, и не безгранично ли моё доверіе к тебе! Ты поручился мне в удаче — и я затеял соблазнить целомудреннейшую из всех женщин; скорей я предпочел бы убедиться в несовершенстве Лукреции, чем тебя подозревать в желаніи обольстить меня несбыточной надеждой. Увы, чтобы не умереть с отчаянія, я должен утешаться напрасными мечтами. Однако же пойми душевное смятеніе, какое чувствует твой бедный друг. Вообрази охватывающій меня стыд и ужас, когда подумаю, что самым важным делом Секста будет соращеніе — путем различных козней — чистой и незапятнанной души, которой он не в силах был растрогать поклоненіем. Вообрази, как станет презирать меня эта обпженная женщина, когда узнает, к каким постыдным средствам я прибегал, чтоб соблазнить ее. Вообрази неиссякаемые потоки слез, каких, возможно, ей будет стоить потеря непорочности, и сираведливые проклятья, которыми когда-нибудь она осыплет того, кто эту непорочность у нее похитил. Подумай об ужасных муках, что последуют за мимолетным счастьем, какое мне готовит твоё сочувствіе. Влюбленный до безумія в Лукрецію, я пожелал владеть и всей ее душой. Любовь и уваженіе, доверье, дружба — ни одному из этих чувств сердце Лукреции не вольно отдаться, чтобы при этом моего бы не терзала бешеная ревность! Увы — и, обладая ею, сколь еще далек я буду от высшего блаженства, прелестную картину которого я рисовал себе! Ах, Сульпицій, скажи, что ты предпримешь, чтоб я был счастлив?

Сульпицій. Господин, если вы любите ее, то что еще вы можете желать, кроме того, как быть любимым ею! Позвольте мне сказать — таким речам пока не подоспело время. В ваших словах я слышу скорей ревнивую тревогу благополучного любовника, чем пылкіе желанія человека, надеющегося им стать; к тому же восторги истинной любви не допускают мыслей обо всех этих утонченностях.

Секст. Ежели б ты знал мою любовь, то ты поостерегся бы вести со мной такіе речи. Ах, если угаснет когда-нибудь надежда, которою меня ты обольстил, страшись той ярости, какая вспыхнет в моем сердце, страшись, чтоб, обезумев, я не принес в жертву моему неистовству твою и свою жизнь!

Сульпицій. Умерьте порывы гнева и вспомните, где вы находитесь. Повторяю: вы счастья достигнете, если действительно того хотите, однако сердце Лукреции — ничтожнейшее из препятствій, какие вам придется одолеть. И ее гордость, которая послужит ей защитой от вас и от нее самой, также

не является для вас опаснейшим врагом. Но вас самих и тех нескромных излишней, что могут вырваться у вас, вам следует остерегаться более всего: лишь окружая свои намеренья самой глубокой тайной, вы можете рассчитывать на ее согласие. Имея дело с столь чувствительной к вопросам чести женщиной, вы должны со всей возможной деликатностью оберегать присутствующую ей щепетильность, и когда она уверится в полнейшей тайне, то вскорости и вы уверитесь в ее любви.

Секст. Друг, сжался над моими заблуждениями и прости мои безумные слова; но на мою покорность твоим советам ты можешь положиться. Ты видишь, я опьянен любовью до того, что уж не в силах владеть собою. Чувство к Лукреции наполняет все мое сердце, ее образ всегда стоит перед моими глазами. Я слышу ее нежный голос, и на меня обращены ее божественные взгляды; я ничего не вижу, кроме нее; вся моя жизнь лишь в ней одной, я существую только для того, чтоб обожать ее, и всех сил моей души, чуждой чему-либо иному, едва хватает на поглощающие меня чувства. Возмести же мне это самозабвенье, направляй шаги слепого господина твоего и сделай так, чтобы со счастьем вместе я был тебе обязан возвратом своего рассудка.

Сулпиций. Подумайте о том, что никакие предосторожности здесь не излишни и что приезд отца Лукреции велит нам быть сугубо осмотрительными. Я говорил вам, мой господин, что в этом путешествии с Брутом, уверен я, заключена какая-нибудь тайна; по виду, с каким они за нами наблюдали, мне показалось, они сами боятся выслеживания. Мне неизвестно, что они такое замышляют по секрету, но Лукреций к нам явно недоброжелателен, а этот Брут, я сознаюсь, мне никогда не нравился.

Секст. Э, что нам опасаться пустых неудовольствий старца и замыслов умалишенного!

Сулпиций. Однако ж сей умалишенный умеет и римлян заставить уважать себя и удержаться при дворе, а старец — патриций Рима и, что важней всего, отец Лукреции.

СЦЕНА II

Раб, Секст, Сулпиций.

Раб. Господин, вас ожидает Паулина.

Секст. Спешу узнать, дарована ль мне жизнь!

Сулпиций. Сюда идут Брут и Лукреций: постараемся остаться незамеченными.

СЦЕНА III

Брут, Лукреций.

Лукреций. Мне кажется, я мельком видел, как двое мужчин поспешно проскользнули к Паулине.

Брут. Я видел их, как вы. Это тиран и его приспешник.

Лукреций. Как! прямо на моих глазах...

Брут. Пускай себе спешат навстречу гибели, а вы подумайте о Коллатине, который за нами следует.

СЦЕНА IV

Лукреций, Брут, Коллатин.

Лукреций. Остановитесь, Коллатин, вы повидаетесь с супругой на досуге, но не всегда вы можете успеть отмстить за ваш и за ее позор.

Коллатин. За наш позор? Что слышу я?

Лукреций. То, о чем так долго вы не пребывали бы в неведении, будь ваше сердце чувствительней, а честолюбие не столь слепо.

Коллатин. Я все еще не понимаю вас.

Лукреций. Беспечный! Как думаешь, с какою целью усердствует повеса молодой, ища соединиться с тобой притворной дружбой, какой еще не ведал ни один ему подобный? Постигни, если можешь, негодование, которым я проникнут, когда я вижу, как дочери моей супруг сам вводит в дом врага, желающего ее обесчестить?

Коллатин. Подозревать, что принц питает безумные надежды, я не могу, а когда б он даже их питал, то кому же, как не мне, их должно презирать? Небеса да охранят меня от оскорбленья женщине, богами и вами самим мне данной,— почесть необходимым к ее заботам о добродетели добавить еще заботы о своем добром имени. Достаточно мне знать Лукрецию: что мне за дело до чувств Секста!

Лукреций. Что вам за дело? Не заблуждайтесь, Коллатин. Само почтенье, какое вам подобает оказывать своей супруге, обязывает вас предупредить любое оскорбляющее ее чувство или отмстить за него. Поймите, что непорочной женщине

ведь не пристало слушать речи, одобрить которые она не может, и что задуманное посягательство в ее глазах уже равно полученной обиде.

Коллатин. Скажите, что я обязан сделать, чтоб узнать, пресечь мне или покарать намерения Секста.

Брут. О Коллатин! Тираны карают тотчас, как в них закралось подозрение, а потому и их должно считать виновными, как только их мы заподозрим. Красота Лукреции, давнишняя привязанность к ней Секста и неприкрытая его порочность, особенно же правила людей ему подобных, вместе с его прибытием сюда, являются свидетелем его преступных замыслов, что не замедлят дать тебе еще сильнейшие улики, коли захочешь ты их поискать. В эту минуту Секст находится у Паулины: предоставляю тебе догадываться о предмете их тайных разговоров. Что же до лекарства — то есть вернейшее, единственное, и состоит оно в одном лишь слове. Способен ли ты быть мужчиной и сумеешь ли ты умереть!

Коллатин. Да, несомненно, умереть сумею, но только когда призову на суд благоразумие и верность долгу.

Лукреций. Итак, дозволю руководить тобою нежному отцу, который тебя любит, и его другу, жаждущему тебя уважать. Свой долг исполнишь ты, ибо ты римлянин, и сделаешь умно, обезопасив свой покой, так как супругу женщины, на которую пал выбор тирана, вблизи него покоя быть не может. И часто для сохраненья своей жизни надобно уметь с презрением относиться к смерти.

Коллатин. Спешите объясниться.

Брут. Слушай! Богам угодно было, чтоб Рим понес однажды иго рабства, дабы познать его и, следовательно, возненавидеть. Испытанью нашему отныне пришел конец; к своим оковам мы прониклись крайним отвращеньем, и потому настало время разбить их. Моими устами с тобою говорит весь Рим: или погибнем все, или уничтожим пожирающее нас чудовище. Однако принятые меры столь надежны, что тебе осталось с нами разделить не опасность предприятия, а лишь триумф успеха. Итак, что хочешь: быть презираемым тираном, быть оскорбленным его сыном, рабом обоих и товарищем их в гибели или вместе с нами отмстить за родину, супругу, за самого себя, быть благородным, свободным и — чтоб уж все сказать — достойным супругом Лукреции, достойным сыном ее честного отца, другом Брута и гражданином Рима.

Коллатин. Вы поражаете меня, не испугав, однако, прежде, чем я приму решение, дозволяете попросить у вас необходимых разъяснений. Предпринимая столь великие дела, вы должны были предвидеть всю их трудность. Я хотел бы верить, что, несмотря на бдительность Тарквиния и несмотря на гроз-

ное могущество любого, кто правит государством, вы свергните узурпатора и уничтожите власть произвола. Но что мы сделаем потом для Рима и для самих себя? Оставим ли своих сограждан добычей анархии, пожертвуем ли родиною ради мести, или, освободившись от владыки, чью власть мы разделяли, станем, ценой своих благодеяний, рабами масс?

Лукреций. Я понимаю: ты рабство предпочитаешь равенству, и тебе приятнее служить тиранам, нежели, потворствуя, повелевать народом. Мой сын, оставь ребяческое честолюбье, которое, в обмен на неизбежные оковы, сулит тебе весьма сомнительный авторитет. Разве не видишь, что если положение сильных по видимости дает им пользоваться абсолютной властью, то тяготы ее на самом деле намного ощутимее для них самих, чем для людей ничтожных? С народа спрашивают только подати, и, исключая их, народ свободен. Но свобода, имущество и жизнь всех тех, кто приближается к тирану, ежеминутно на волосок от гибели. Что чаще видит его глаз, на то особенно и направляется свирепость его своеволия; сегодня ты его любимый фаворит, а завтра — его последний раб.

Коллатин. Я благодарен вам сердечно и тронут любовью вашей, однако, думая лишь о себе, не забываете ли вы о родине? Вообразите ужасы гражданских войн, опасность оказаться без кормчего, разгул неукротимой черни. От независимости Рим погибнет иль только сменит господина, и, не улучшив участи его, вы причините ему вмиг гораздо больше зла, чем тирания причинила за множество годов.

Брут. Наивный человек, откинь это ошибочное мнение. Законы, которые сильнее тиранов, сделали Рим свободным со времени его основания. И у нас имеются комиции, сенат, законы и они авторитетны сами по себе. Государство наше вполне устроено, и, чтобы сделать его зрелым, нам только надобно изъять все то, что в нем излишне. Благодаренье небу мы не похожи на те изнеженные племена, где, существуя лишь по прихоти царей, все гибнет, когда царей свергают, потому что нет законных и независимых авторитетов. Пади тиран сегодня — и завтра Рим, спокойный и покорный законам, лишится только своего врага.

Друзья, пора нам действовать, и споры не ко времени, когда нам нет иного выхода.

Мы взвесили и интересы Рима, и своих сердец; рассудок их скрепил, и событие неизбежно; и здесь мы говорим не для себя, а для тебя. Знай, что, быть может, завтра Рим среди своих детей увидит только освободителей или изгнанников.

Коллатин. О Брут, твой голос волнует мою душу; я чувствую себя проникнутым огнем, горящим в твоих глазах. Итак, да будет Рим свободным! Чья сила устоит пред твоим рвеньем

и чье опасливое сердце не решится разделить его? Но, друг, взгляни в глубь моего. Ужели должно...

Брут (*взяв и пожимая его руку*). Верь мне, Коллатин, верь в душу Брута, по меньшей мере столь же гордую, как и твоя душа. Во много благородней и прекрасней быть последним среди людей свободных, нежели быть первым при дворе Тарквиния.

Коллатин. Ах, какая между нами разница! Твое величие лежит в самой твоей душе, а своего я вынужден искать во внешних почестях.

Лукреций. А что же, разве начальник нам не нужен? Мой сын, ты будешь править римлянами, ты дашь господствовать законам и наконец возвысишься до понимания покорности и станешь равным нам.

Брут. Довольно. Рим заручился вашей верностью. Мы на досуге продолжим этот разговор. (*Тихо, Лукрецию.*) Я это предвидел; твой зять честолюбив, слаб духом и разумом не быстр. Если ты его оставишь одного хоть на минуту, мы погибем. Следуй за ним, а прочее доверь моим заботам.

.....

цузский писатель. С 1747 г. член Академии, в 1750 г. получил звание историографа Франции, а с 1755 г. — секретарь Академии. Дюкло поддерживал дружеские отношения с энциклопедистами и покровительствовал им.

ПИГМАЛИОН

Сюжет этой драмы заимствован Руссо из второй книги «Метаморфоз» Овидия. Написан был «Пигмалион» в 1770 г. в Лионе; тогда же была написана к нему музыка Орасом Куанье. Париж познакомился с драмой Руссо в 1771 г. Она была опубликована без ведома автора во «Французском Меркурии». В том же 1771 г. она была издана в Женеве. Как полагает исследователь творчества Руссо План, и это издание было осуществлено без ведома автора. И только парижское издание 1775 г. можно считать оригинальным. В 1772 г. «Пигмалион» был поставлен в Фонтенбло, а в 1775 г. — во «Французской Комедии».

Монодрама Руссо, в которой декламация сочеталась с музыкой, заполнявшей также паузы между лирическими монологами, положила начало новому жанру — мелодраме. Отсюда огромный интерес к «Пигмалиону» не только во Франции, но и в Италии (где насчитывалось девятнадцать изданий и четырнадцать переводов, а также в Германии). «Пигмалиона» Руссо высоко оценил Гете. В «Поэзии и правде» он писал: «Я упомяну еще об одном небольшом произведении, которое, однако, замечательным образом сделало эпоху, — о «Пигмалионе» Руссо. О нем можно было бы сказать многое: это причудливое произведение колеблется между искусством и природой, с ложным намерением растворить первое во второй. Мы видим здесь художника, создавшего совершеннейшее произведение и все-таки не нашедшего удовлетворения в том, что он художественно воплотил вовне свою идею и сообщил ей высшую жизнь; нет, он хочет еще свести ее к себе вниз, в земную жизнь...»

На русский язык «Пигмалион» переводился в 1799 г.

ЛУКРЕЦИЯ

В «Исповеди» Руссо сообщает, что во время своего пребывания в Женеве в 1754 г. он обдумывал план трагедии в прозе. Сюжетом ее он избрал историю Лукреции, рассказанную римским историком Титом Ливием. Согласно Титу Ливию, жена Луция Коллатина Лукреция была обещана младшим сыном царя Тарквиния Гордого Секстом. Обещанная Лукреция кончает жизнь самоубийством и взывает к мщению. Муж ее Коллатин и друг его Юний Брут поднимают народ на борьбу против тирана. Тарквиний Гордый вынужден удалиться в Этрурию, в

Риме устанавливается республика (см. Тит Ливий, Римская история от основания города, кн. I, гл. 57—60).

По мысли Руссо, образ целомудренной римлянки должен был служить укором галантным нравам дворянского общества XVIII в. «Я не терял надежды,— говорит Руссо,— сразить насмешников, дерзая еще раз выпустить на сцену эту несчастную, когда она уже не могла появиться ни на одном французском театре». В этом смысле «Лукреция» примыкает к традиции мещанской драмы, в то время завоевывавшей французский театр. Противопоставление добродетельной героини, носительницы морали третьего сословия, развращенному аристократу стало со времен Ричардсона излюбленной темой романа и драмы XVIII столетия. С мещанской драмой «Лукрецию» сближает и то, что писана она не стихами, а прозой.

Но по сравнению с авторами этого жанра Руссо значительно расширяет общественные масштабы действия своих героев. Подлинным содержанием «Лукреции» являются не трагические происшествия в доме Коллатина, а заговор, возглавляемый Юнием Брутом, борьба за свободу Рима. Политическая тема пьесы порождает свой особый стиль, предвещающий язык театра французской революции. В тирадах Юния Брута уже слышится фразеология революционных публицистов и ораторов.

В «Лукреции» нашли выражение многие важные мысли Руссо, прежде всего политические. Недаром план своей пьесы Руссо обдумывал одновременно с неосуществленным сочинением «Политические установления», частью которого должен был стать «Общественный договор». Для понимания политических идей Руссо важное значение имеет 4-я сцена II акта, в которой Коллатин выражает опасения, как бы уничтожение в Риме царской власти не привело к «разгулу черни», анархии. Подобные опасения были чужды самому Руссо, но близки многим просветителям, особенно Вольтеру, который видел в народе непросвещенную чернь и возлагал свои надежды на просвещенного монарха, на революцию сверху. Свою непоколебимую веру в торжество свободы и благодетельность революционной борьбы Руссо вкладывает в уста Юния Брута. «Не пытайся запугать нас вымышленными несчастьями,— говорит он Коллатину,— разве есть что-нибудь страшнее бесчестия. Мы не спрашиваем тебя, нужно ли освободить Рим. Тебе остается только сделать выбор, быть ли в числе освободителей, или изгнанников».

Полемика с просветителями отразилась и в образе Сульпиция, жизненная философия которого во многом напоминает материалистическую этику Гельвеция и Гольбаха, основанную на принципе «интереса». По видимому, по замыслу Руссо, образ Сульпиция, ловкого интригана и циника, толкающего Секста на преступление, должен был дискредитировать учение просветителей о морали.

Огромная революционная роль, которую сыграл французский материализм, общеизвестна, и все же образ Сульпиция имел свое жизненное

основание. Не следует забывать того, что в кругах французской аристократии материалистическая этика была перетолкована в реакционном духе: она служила французскому дворянству оправданием его аморализма и существующего общественного неравенства, как неизбежного следствия борьбы эгоистических интересов, в которой сильные, т. е. имущие классы, неизбежно должны господствовать над слабыми, т. е. над пародом.

«Лукреция» не была закончена, и по двум актам да несколькими фрагментам, разумеется, трудно иметь суждение о драме в целом. Все же можно нащупать то направление, в котором должно развиваться действие. Очевидно, в частности, что по замыслу Руссо Лукреция должна быть не просто жертвой насилия, но и активным борцом против тирании. В отступление от исторического сюжета Руссо вводит в пьесу мотив любви Лукреции к Сексту, что как будто бы приближает его драму к трагедии классицизма. Однако в отличие от героинь классического театра Лукреция не знает душевного разлада, борьбы долга и страсти. Добродетель ее — от сердца, а не от разума, и ничто не в силах поколебать ее верность. Все же мотив любви имеет важное значение. Именно то, что Лукреция смогла побороть свою страсть, и придает в глазах Руссо цену ее добродетели, делает ее способной стать союзницей Брута. Слабость героини есть условие ее силы. «Именно с той стороны, что так тебя тревожит,— говорит Брут старому Лукрецию,— дочь твоя особенно достойна нашего доверия; решим же открыть ей наши замыслы, и Тарквинии погибли, потому что Секст любям».

Здесь получила выражение одна из центральных идей философии Руссо. По мысли писателя, и в разумно устроенном обществе, образец которого он рисует в «Общественном договоре», не устранится противоречие личности и коллектива, частного и общего интереса. Без аскетического подавления личных склонностей и страстей для Руссо невозможен никакой общественный порядок, и идеальный гражданин для него тот, кто руководствуется в своем поведении принципами долга, кто способен действовать вопреки собственным интересам.

Фрагменты «Лукреции» были впервые опубликованы Г. Бризаром в 1792 г. в собрании сочинений Руссо, изданном Пуансо в Париже. В этой редакции «Лукреция» издавалась во всех последующих собраниях сочинений писателя, в том числе и последнем собрании его сочинений, осуществленном издательством Ашетт в конце прошлого века. В 1906 г. исследователь творчества Руссо Т. Дюфур опубликовал в «Летописях общества Жан-Жака Руссо» новые фрагменты «Лукреции», на основании обнаруженной им тетради Руссо, содержащей целиком первый и второй акты пьесы. Большая часть фрагментов, опубликованных Бризаром, соответствует приблизительно одной четверти дюфуровского текста; лишь несколько фрагментов относится к последующим сценам драмы, не вошедшим в тетрадь, найденную Дюфуром. Кроме тетради, Дюфур опубликовал также найденные им четыре разрозненных листа,

содержащих наброски последующих сцен,— иные, чем те, которые были в свое время опубликованы Бризаром.

В настоящем издании приводится перевод текста, опубликованного Дюфуром (I и II акты трагедии). В «Приложениях» дается текст «Лукреции», опубликованный Бризаром, а также фрагменты сцен, найденных Дюфуром.

Стр. 525. *«Наивный человек, откинь это ошибочное мнение».*— Дюфур указывает, что рукопись содержит две редакции этого монолога Брута. Та, которая дается в тексте, по мнению Дюфура, является более поздней: приводим первую редакцию.

«От нас зависит быть свободными, от богов — сделать нас счастливыми. Нет несчастья, которые бы мы не предпочли тому, чтобы оставаться во власти изверга, который сделает нас столь же дурными, как и он сам. Если даже мы могли бы простить ему наши несчастья, то никогда бы мы не простили ему того, что он унижил наши души, и свергнуть недостойное иго побуждают нас в гораздо меньшей мере наши бедствия, чем голос добродетели, который он пытается в нас заглушить. Не старайся запугать нас вымышленными несчастьями. Разве что-нибудь есть страшнее бесчестия? Мы не спрашиваем тебя, нужно ли освободить Рим. Тебе остается только сделать выбор: быть ли в числе освободителей, или изгнанников. Итак, живи среди нас, торжествуя вместе с нами победу, или умри недостойной жизни, предав друзей, утратив честь и свободу. Пусть остальное тебе скажет твое сердце».

ФИЛОСОФСКАЯ СКАЗКА

КОРОЛЕВА ПРИЧУДНИЦА

Написана Руссо в 1755—1756 гг. Распространялась в рукописях. В 1758 г. была напечатана без ведома Руссо по одному из рукописных списков, распространявшихся в Париже.

Первое оригинальное издание, осуществленное с согласия Руссо, было напечатано в III томе его сочинений, издаваемых в Амстердаме Марком Мишелем Реем. Сказке предшествовало предисловие «от издателя»,— в действительности его автором был сам Руссо. «Эта маленькая сказка,— говорилось в этом предисловии,— была написана давно, как своеобразный вызов. (Дело заключалось в том, чтобы попробовать сделать сносную сказку и даже веселую, без интриги, без любви, без брака, без шалостей.)».

Этим, однако, содержание сказки Руссо не исчерпывается. В ней получили отзвук политические мысли писателя. Недаром Яламир упрекает